

СТАЛИНИЗМ И МАРКСИСТСКИЕ МОДЕЛИ РОСТА*

Александр ЭРЛИХ

Оeconomia • Политика

OIKONOMIA • POLITIKA

Эрлих Александр (1912—1985), политолог, экономист. Родился в Петербурге. Летом 1918 года семья переехала в польский город Люблин. С юности участвовал в революционном движении, был исключен из гимназии за отказ подписать патриотический адрес Ю. Пилсудскому — фактическому диктатору Польши. В начале 1930-х годов учился в Берлинском университете, вступил в организацию «Социалистическая молодежь». В 1933 году, после прихода к власти в Германии нацистов, был исключен из университета. Вернулся в Польшу, учился в Варшавском свободном университете. После нападения Германии на Польшу семья Эрлихов выехала в Восточную Польшу, и А. Эрлих поселился в Вильно. С 1942 года жил в США. Окончил Новый институт специальных исследований (Нью-Йорк); в 1949—1954 годах изучал экономику Советского Союза в Колумбийском университете (Нью-Йорк), в 1953 году там же — доктор философии, в 1955—1982 годах — профессор экономики. Автор ряда трудов по проблемам экономического развития Советского Союза.

Основополагающим трудом А. Эрлиха стала книга «Советские дискуссии об индустриализации, 1924—1928», вышедшая в 1960 году. Публикацией этой работы Академия народного хозяйства при Правительстве РФ начинает серию «Экономическая история: прошлое и настоящее».

Erich A. Stalinism and Marxian Growth Models // Stalinism / J. Tucker (ed.). N. Y.: Norton, 1977.

Перевод с английского А. В. Белых.

И С Т О Р И Я

Однажды, когда Троцкий еще не был членом социал-демократической фракции, он заметил, что в работах Ленина марксизм отражается как Афродита в самоваре. По моему глубокому убеждению, это сравнение куда больше подходит для характеристики работ и практической деятельности того, кто любил, чтобы его называли «Ленин сегодня», и особенно оно уместно для определения его специфического вклада в теорию и практику экономического роста. Я утверждаю, что, хотя в руках Сталина марксистские модели роста сильно изменились, были поистине искалечены, они все же остались узнаваемыми и не полностью утратили свою операциональную значимость. Но чтобы наглядно продемонстрировать это утверждение и выбрать верный угол зрения, нам придется несколько углубиться в историю и рассмотреть исходные модели, а также то, как они использовались большевиками до Сталина.

Читатель уже понял, что мы ведем разговор о моделях. Действительно, в работах Маркса их как минимум три. Первая модель, самого общего характера, имеет дело с взаимозависимостью между уровнем развития эффективно используемых технологий («производительных сил») и отношениями людей, складывающимися как в процессе производства, так и при присвоении труда, произведенных средств производства и земли («производственными отношениями»)¹. Если производительные силы

* Выражаю признательность Владзимешу Брусу, Стивену Ф. Коэну, Михайло Марковичу и Роберту К. Такеру за их ценные замечания.

¹ Здесь необходимо сделать несколько комментариев. Во-первых, «производственные отношения» и «производительные силы»

и производственные отношения, совместно образующие «базис» общества, находятся на одинаковой ступени развития, то система будет жизнеспособной. Если же развитие производительных сил опережает развитие производственных отношений, то неизбежно последует их столкновение. Старые производственные отношения рано или поздно уступят место новым, и это приведет к ряду изменений в политической, правовой и идеологической надстройке. По этой же причине новые производственные отношения не смогут успешно закрепиться, если производительные силы не достигнут нужного уровня развития. Применительно к социализму это означало, что (1) производственные предприятия должны достичь достаточного уровня концентрации, позволяющей осуществлять централизованные учет и планирование; (2) большую долю населения должны составлять занятые на этих производственных предприятиях рабочие, которые смогут осуществить контроль над средствами производства, только сделав их общественной собственностью; (3) для того чтобы существовать, опираясь на принципы равенства, и одновременно динамично развивать свою экономику, общество должно достичь высокого уровня производительности труда. Только при выполнении этих условий будущее общество сможет стать таким институтом, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»².

Вторая и третья модели менее масштабны. В первом томе «Капитала» при анализе капиталистического накопления прослеживается взаимодействие между увеличением запасов средств производства, ростом трудовых ресурсов и технологическим прогрессом в странах с развитой капиталистической экономикой, а также показывается, насколько по-разному происходил в отдельных странах переход к капитализму. В обоих случаях особо подчеркивается специфика социальной и исторической обстановки и роль прибыли как мотивирующего фактора. Однако, как будет показано ниже, эта же аргументация вполне применима для ситуации, когда в некапиталистической экономике рост ее современного сектора происходит за счет традиционного сектора или когда соотношение «овеществленного» труда к живому труду претерпевает стремительные изменения. Еще лучше применима эта аргументация к систематизированной и четко сформулированной (хотя и не до конца разработанной) «схеме воспроизводства», приведенной во втором томе «Капитала». Данная схема имеет точки пересечения с упомянутой выше нечетко описанной моделью накопления,

определенным образом пересекаются, поскольку оба понятия включают организацию производственного процесса. (Другой составной частью производственных отношений является также присвоение отдельными людьми факторов производства, что не имеет непосредственного отношения к процессу производства.) В этом контексте очень важно подчеркнуть, что наше концептивное изложение, в основе которого лежит классическое предисловие к работе «К критике политической экономии», а также само предисловие не могут в полной мере передать глубину исследования Марксом специфических условий экономики. Так, например, анализируя ранние этапы развития капитализма, Маркс особо подчеркивает основополагающую роль государства как «надстройки». Он также ясно показывает, что при так называемом мануфактурном производстве развитие производственных отношений, основу которых составляет совместная деятельность рабочих, опережает развитие технологического базиса (немеханизованного ручного труда). Именно это противоречие в конечном счете привело к созданию современного машинного производства. Совершенно справедливо, однако, что в своих работах, посвященных переходу к социализму (за исключением такой важной, как «Манифест коммунистической партии»), Маркс и Энгельс неизменно предполагали, что пролетарская революция наступит лишь после того, как давление производительных сил на их капиталистическую оболочку станет невыносимым. При этом не требуется никакого государственного вмешательства, чтобы производительные силы были подготовлены к социализму.

² Marx K., Engels F. Manifesto // Selected Works in Two Volumes. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1962. Vol. 1. P. 54 (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447).

а также устанавливает такие соотношения между основными подразделениями экономики, которые необходимы для полномасштабного возможного роста. Точнее, показывается, что темп экономического роста представляет собой функциональную зависимость от соотношения объема производства «первого подразделения» — производства средств производства — и «второго подразделения» — производства потребительских товаров, — или, иными словами, зависимость от соотношения производства «первого подразделения» и потребности всей экономики в замещении средств производства.

Широко известно, что эти модели играли важную роль в масштабных дореволюционных дискуссиях между русскими марксистами и их оппонентами из числа народников и «ревизионистов». Совершенно очевидно, что именно эти модели создали платформу для разработки стратегии большевиков после их победы в 1917 году. Эта победа была «головкружительной» в нескольких отношениях: хотя успех и вскружил головы победителям, перед ними сразу же встала серьезная проблема: каким образом проводить социалистические преобразования в стране, где производительные силы еще не достигли уровня, необходимого для создания системы социалистического планирования.

Вначале Ленин полагал, что можно и не разрабатывать никаких конкретных мероприятий по ликвидации этого отставания: он надеялся, что грядущая революция в более развитых западных странах сможет эффективно решить эту проблему³. Поэтому он сменил осторожные принципы первоначальной экономической программы на более рискованную политику «военного коммунизма», которую позже сам же отверг. Но поскольку перспективы революции на Западе становились все более туманными, а нарастающий экономический хаос («отрицательное расширенное воспроизводство», по меткому определению Бухарина) вел к полномасштабному политическому кризису, Ленин в марте 1921 года «всерьез и надолго» переключился на нэп. Прошло почти два года, прежде чем он подробно и четко обрисовал задачи и перспективы новой доктрины в часто цитируемых комментариях к «Запискам о революции» Николая Суханова. Ленин соглашался с тем, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», но делал из этого совершенно неожиданный вывод:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы... Почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»⁴.

На первый взгляд этот комментарий противоречит основополагающему марксистскому тезису, который Ленин сам яростно защищал в спорах с народниками и, после 1905 года, с Троцким. Но здесь нужна более широкая интерпретация его слов. Ленин не отрицал того, что начинать строительство социализма наиболее разумно и желательно только тогда, когда про-

³ «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1964. Т. 44. С. 36).

⁴ Там же. Т. 45. С. 381.

изводительные силы в отдельно взятой стране «созреют» для общественной собственности. Однако, если по какому-то уникальному стечению внешних и внутренних факторов социалистическая революция совершится в менее развитой стране, тогда правительству этой страны нужно будет искать альтернативные пути развития, а не расписываться в своем поражении. Другими словами, стране придется примириться с мыслью, что выше головы все равно не прыгнешь, и признать тот факт, что промышленный сектор экономики, который, благодаря большому размеру предприятий, готов к введению общественной собственности и централизованного планирования, будет составлять гораздо меньшую, в сравнении с развитыми странами, часть экономики. Следовательно, этот сектор не сможет в полной мере занимать командное положение по отношению к малым частным предприятиям.

Взаимосвязи между этими двумя неравными секторами экономики должны регулироваться с помощью «буржуазного» рыночного механизма и подчиняться общим налоговым, денежным и тарифным правилам, хотя национализированный промышленный сектор будет делать попытки проникновения в деревню путем создания на строго добровольной основе сбытовых и кредитных кооперативов. Предполагалось, что в результате этих мер, а также вследствие дальнейшей модернизации и быстрого технологического развития общественный сектор одержит победу и тем самым будет преодолено отклонение от марксистского учения⁵.

К середине 1920-х годов результаты этой двойственной стратегии были весьма впечатляющими. Индексы совокупного выпуска в промышленности стремительно взлетели, а в сельском хозяйстве обнаружили устойчивый рост; при этом механизмы распределения функционировали достаточно успешно. Все это продемонстрировало преимущества системы, сочетающей в себе планирование и рынок, над сверхцентрализацией периода военного коммунизма. Легко можно представить, как экономисты и политические руководители Советского Союза в начале 1920-х годов задавали друг другу вопрос, прозвучавший из уст Пола Самуэльсона в 1950-е годы в Америке: «Как же нам удалось это сделать?» Естественно, этот оптимистичный настрой проявился в работах Бухарина и его соратников в 1924—1926 годах. Они с гордостью отмечали достижения нэпа по сравнению с бедственным положением предшествовавшего периода и с уверенностью экстраполировали эти тенденции стремительного роста в будущее. Они также утверждали, что худшее, что могло бы случиться, — это нарушение неписаного «пакта о ненападении» между социалистическим сектором и его несоциалистическим окружением.

⁵ Такая точка зрения, возникшая в результате поражения и считавшаяся свойственной только переходному периоду, отражала глубокое проникновение в суть проблемы, и в настоящее время она признается многими советскими и восточно-европейскими экономистами применительно к функционированию экономики в развитом социалистическом обществе. Эти экономисты твердо убеждены, что государство может эффективно планировать такие «большие дела», как распределение доходов и объем инвестиций, а также распределение инвестиций по регионам и отраслям промышленности. Наряду с этим государство должно позволять промышленным предприятиям принимать решения по законам рынка (с учетом экстерналий, то есть таких воздействий рыночных трансакций на третьих лиц, которые не опосредованы рынком) (см.: *Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*. Princeton: Princeton University Press, 1974). Это могло бы означать, что преобладание крупных предприятий не является столь уж важным условием для планирования, как, по всей вероятности, предполагали ортодоксальные марксисты, хотя в любом случае в более зрелой социалистической экономике именно такие предприятия должны составлять значительно большую долю. Более того, в отличие от своих предшественников современные сторонники идеи одновременного существования системы планирования и рынка считают, что такое положение дел присуще более высокому уровню развития экономики. К обсуждению этого мы еще обратимся позднее.

И все же эти взгляды, отражавшие позицию верхушки партийного руководства, подверглись уничтожающей критике со стороны левых, в первую очередь Преображенского, ведущего экономиста этой группы. Он не отрицал, что продолжение политики прямых конфискаций, осуществлявшихся при военном коммунизме, неизбежно привело бы к катастрофическому положению; не отрицал он и того, что на долгое время важнейшим связующим звеном между городом и деревней должен стать рыночный обмен. Он признавал, что мирное сосуществование с крестьянством было *sine qua non*, не зависимо от результата, а это, в свою очередь, предполагало «удовлетворение определенного минимума потребностей» крестьян. Однако для Преображенского это являлось дополнительным аргументом в пользу быстрого целенаправленного движения, а не топтания на месте. В середине 1920-х годов размеры и структура советской экономики были совершенно недостаточными для того, чтобы, опираясь исключительно на собственные ресурсы, одновременно удовлетворять как запросы крестьян-покупателей, так и давно назревшую потребность в замене изношенного оборудования, не говоря уже о реализации долговременных задач по модернизации огромной неразвитой страны, обеспечении обороноспособности и реструктуризации сельского хозяйства на основе коллективизации. По этой же причине существующая крестьянская экономика еще в меньшей степени готова была самостоятельно производить излишки ресурсов, достаточные для поддержания удовлетворительных темпов роста в промышленном секторе. (Это был еще один показатель недостаточного развития «производительных сил», и именно он вызывал наибольшие опасения.) Стремительные темпы экономического подъема в начале нэпа не противоречат этому факту. Они явились результатом полного восстановления дореволюционных производственных мощностей, огромная часть которых вынужденно простаивала вследствие бездействия в годы Гражданской войны, а также из-за парализующих экономику декретов периода военного коммунизма. После окончания восстановительного периода темпы экономического роста практически упали до нуля, что усугубило плачевное состояние экономики. По мнению Преображенского, чтобы найти выход из этой тупиковой ситуации, было совершенно необходимо значительно ускорить темпы роста инвестиций и тем самым в кратчайшие сроки настолько увеличить мощность промышленности, чтобы она могла эффективно удовлетворять назревшие потребности других секторов экономики и в то же время осуществлять собственное развитие. При таком подходе основное бремя ложилось на плечи крестьянства, которое должно было ограничить потребление промышленных товаров вследствие их монопольно высоких цен и приоритета средств производства в планируемом импорте. В конечном счете крестьяне получили бы компенсацию за такое «принудительное сбережение», после того как укрепившаяся и динамично развивающаяся промышленность приступила бы к массовому выпуску необходимой им продукции.

Преображенский не скрывал, что его стратегия восходит к теории Маркса. К возмущению своих противников и к недоумению некоторых своих сторонников он назвал процесс перевода ресурсов из сельскохозяйственного сектора в промышленность «первоначальным социалистическим накоплением» — вслед за марксистским понятием «первоначального капиталистического накопления». Он воспользовался логикой объяснения схемы, приведенной во втором томе, утверждая, что такое перемещение ресурсов между двумя секторами экономики следует производить в «порядке боевого марша», то есть выпуск промышленных товаров должен опережать выпуск потребительских товаров. Однако Преображенский резко возражал против «связи-

вания всех ресурсов в процессе развития тяжелой промышленности». Далее, в одной из последних из опубликованных им статей он развил и несколько изменил двухсекторную модель, разбив промышленные и потребительские товары на группы в зависимости от того, были ли они произведены в социалистическом, капиталистическом или малом секторе экономики. Кроме того, применительно к последнему из этих секторов он также ввел понятие, которое означало очевидный отход от первоначальной модели неэквивалентного обмена между секторами. Наконец, хотя Преображенский никогда явно не ссылаясь на ленинскую формулу 1923 года, из его рассуждений следовало, что он придает большое значение скорейшему началу ее использования. Для того чтобы достичь «определенного культурного уровня, необходимого для построения социализма», требуется вести ненасильственное, но энергичное наступление на крестьянский сектор экономики. Точнее говоря, существующие механизмы экономической политики должны обеспечить максимальное перераспределение ресурсов из частного в социалистический сектор, «в экономически возможных и технически осуществимых пределах». Этот подход должен позволить достичь и даже превзойти тот уровень экономического развития, которой был бы возможен при полном соблюдении правил игры на конкурентном рынке.

Как нетрудно было предугадать, первая реакция Бухарина была крайне негативной. Если отбросить полемику, то суть его ответа состояла в том, что методы лечения, предложенные Преображенским, были опаснее самого заболевания. Никто ведь не мог гарантировать, что крестьяне с энтузиазмом взвалит на себя бремя насильственного сбережения и будут терпеливо дожидаться каких-то грядущих милостей. На самом деле вполне можно было ожидать, что их реакция будет более агрессивной, как уже случалось и во время кризиса 1923 года, вызванного «ножницами цен», и во время «товарного голода» 1925 года, когда они резко сократили поставки своей продукции в город. Все это могло разрушить фундамент самых перспективных программ индустриализации страны, а также, возможно, и всей советской системы. (Позже Бухарин обобщил это следующим образом: «если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо регрессирует»⁶.) И все же упрямые факты заставили его, хотя и с некоторым опозданием, признать диагноз ситуации, поставленный Преображенским. По замечанию Рыкова, друга и соратника Бухарина, «страна не могла больше жить без капитальных вложений». Проблема заключалась в том, чтобы сузить задачу до обозримых пределов.

Тогда-то и была разработана весьма оригинальная и совершенно новаторская стратегия. Подразделению, производящему средства производства, при распределении финансирования необходимо отвести значимую, но не приоритетную позицию. Капиталоемкие современные технологии следует использовать исключительно в тех отраслях промышленности, в которых

⁶ Бухарин Н.И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент. (см.: Бухарин Н.И. Путь к социализму в России: избранные произведения / Под ред. С. Хайтмана. Нью-Йорк, 1967. С. 387). Наверное, стоит отметить, что Бухарин также широко использовал дихотомию первого и второго подразделений. Склонный к теоретизированию, он, несомненно, упоминал понятие бесконечного расширения первого подразделения, введенного Туган-Барановским, и далее утверждал, правда не очень убедительно, что потребительским спросом не следует пренебрегать по той причине, что средства производства непременно в конечном счете превратятся в потребительские товары (см.: Бухарин Н.И. Империализм и накопление капитала. 4-е изд. М.; Л., 1929. С. 63).

они наиболее эффективны. В остальных отраслях необходимо отдавать предпочтение технологиям, интенсивно использующим ручной труд, что позволит сэкономить инвестируемые ресурсы и ускорить выпуск продукции. Эта политика очень напоминает проводимую в современном Китае [эпохи Мао Цзэдуна] политику под названием «идти на двух ногах». К решению проблем в сельском хозяйстве нужно подойти с трех сторон. Следует стимулировать увеличение товарности путем объединения крестьян-середняков; для этого необходимо терпимо относиться к производящим основную долю сельскохозяйственной продукции зажиточным крестьянам, а также неуклонно, но постепенно создавать колхозы. При таком подходе потенциально опасное увеличение крестьянских расходов можно взять под контроль посредством налогообложения и активно поощряемого добровольного накопления. Наконец, Бухарин неоднократно утверждал, что в его намерения никогда не входил полный отказ от преимуществ монопольного положения советской национализированной промышленности на крестьянском рынке. По этой причине, вероятно, и будет сохраняться некоторый перекося в торговле в пользу промышленного сектора, однако перекося этот будет незначительным и не помешает развитию сельского хозяйства.

По сути своей эта стратегия казалась весьма интересной, и, наверное, стоило испытать ее на практике. Однако этому не суждено было случиться. В конце 1927 — начале 1928 года советская экономика подверглась тяжелому испытанию вследствие дефицита поставок зерна. В результате кризиса хлебозаготовок мнения экономистов полностью разделились. Кроме того, важные изменения произошли и в политической «надстройке». Система, которую Ленин назвал «пролетарским государством с бюрократическими извращениями», не была похожа на марксистский «союз свободных индивидуумов» даже при его жизни. Со временем таких «извращений» становилось все больше, и они проявились в том числе в неуклонном укреплении власти Сталина. Вплоть до начала 1928 года он поддерживал Бухарина по вопросам экономической политики. В это время Сталин заручился полной его поддержкой, пытаясь нанести сокрушительный удар левым «сверхиндустриалистам», что ему удалось сделать к декабрю 1927 года. Теперь он мог использовать укрепившиеся позиции для преодоления кризисной ситуации и, избавившись от своих умеренных противников, вывел страну на новый путь развития, который по праву мог называть своим.

Непосредственная реакция Сталина на события наиболее красноречиво проявлялась не в словах, а в делах: мы имеем в виду его поездку по Сибири в начале 1928 года и его печально известный «урало-сибирский метод» насильственного сбора зерна. При озвучивании идеологических вопросов он был менее прямолинеен, зато вполне конкретен. Самый главный его аргумент в пользу коллективизации состоял в том, что советская экономика не могла развиваться в двух направлениях одновременно: крупное производство в промышленности и мелкое производство в сельском хозяйстве.

Здесь, по-видимому, необходимо вернуться к обсуждению более ранних дискуссий. Конечно, ортодоксальные марксисты утверждали, что для того, чтобы производительные силы достаточно «созрели» для их перевода в общественную собственность, они должны достичь высокого уровня развития во всех отраслях социалистической экономики. Однако после 1921 года большевики, и Сталин в их числе, были готовы мириться с двойственной природой нэпа, хотя отчетливо понимали, что при таком положении дел неизбежно возникнут проблемы. Эти проблемы должны были исчезнуть после того, как развитие промышленности достигнет такого уровня, при котором пер-

вое подразделение сможет обеспечивать сельское хозяйство необходимыми средствами производства. Очевидно, именно тогда Сталин почувствовал, что подошло время для масштабных поставок современного оборудования в деревню. Но к его заявлениям по этому поводу нужно относиться с некоторой долей скепсиса. Он неоднократно повторял, что мелкое сельскохозяйственное производство в существующих условиях имеет огромный потенциал развития и что еще долгое время оно останется ведущей формой советского сельского хозяйства. Более того, когда в конце 1929 года полным ходом проводилась политика «большого рывка», Центральный Комитет с готовностью принял решение, в котором говорилось, что успехам коллективизации не должна помешать нехватка тракторов и другой современной техники. По утверждению Сталина, даже немеханизированные колхозы имеют преимущество над личными хозяйствами, и как «знаток» марксистского учения он говорил о «мануфактурном периоде» коллективизации. (Как будет показано ниже, крестьяне так и не смогли оценить суть этой замечательной теории.)

Короче говоря, Сталин не осознавал, насколько дорогостоящей окажется полномасштабная модернизация сельского хозяйства и насколько сильной будет конкуренция за ресурсы между сельским хозяйством и имеющей приоритетный статус развивающейся промышленностью. Однако нельзя опровергнуть тот факт, что колхозы интересовали его в первую очередь как «коллективный инструмент» (по меткому выражению Рагнара Неркса), передающий полномочия по принятию решений по производству и распределению сельскохозяйственной продукции от крестьян государству и его представителям на селе. Это представлялось гораздо более эффективным способом обеспечить хлебозаготовки, чем возня с ценообразованием. Предполагалось, что современный технологический базис будет в основном создан *ex post*, а не *ex ante*, и случаи крестьянского сопротивления только укрепляли Сталина в его решительных намерениях разгромить противника раз и навсегда.

Безусловно, Сталин понимал, что важнейшей и непосредственной причиной кризиса являлось быстрое увеличение абсолютного и относительного размера промышленного первого подразделения. Это вело к ситуации неуклонно растущего городского спроса на продукты питания, которому не соответствовал уровень выпуска промышленных товаров, предназначенных для удовлетворения потребностей крестьян. Сталин даже не пытался доказать, что пересмотренная стратегия Бухарина, которую он горячо поддерживал еще совсем недавно, была неспособна устранить эту проблему. Он не думал, что в основе хлебной стачки крестьян лежат экономические проблемы. Для него это была проверка на прочность, ситуация «кто кого»; именно тогда полностью проявилась, по выражению Роберта Таккера, его «воинственная натура». Он понимал, что пойти на компромисс в подобных условиях означало не только ослабить свои позиции, но также подорвать доверие к себе (эти его взгляды разделяло его ближайшее окружение), спровоцировать новые вспышки неповиновения и в конечном счете откатиться на исходные позиции. «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть»⁷. (Слово «кулак» здесь очень умело заменяет слово «крестьянин».) Совершенно не важно, прав ли был Сталин в этом вопросе (хотя, конечно же, он был не прав); однако нет никаких сомнений в том, что он верил каждому своему слову. Он с полной серьезностью повторял лозунг Ленина, сформулированный в 1917 году: «погибнуть или на всех парах устремиться вперед», и при этом без малейшего колебания очень

⁷ Сталин И.В. Соч. М.: Госполитиздат, 1953. Т. XI. С. 275.

ловко подтасовывал его значение⁸. Короче говоря, он имел в виду весьма любопытное взаимовлияние: коллективизация должна была передать государству полный контроль над сельскохозяйственными поставками, а индустриализация, в свою очередь, должна была укрепить коллективизацию и как можно скорее сократить долю частного крестьянства в экономике.

Результат хорошо известен. Кризис хлебозаготовок привел к полномасштабной конфронтации между властью и крестьянством. В результате ряда серьезных ударов, нанесенных по крестьянству, и массовых карательных мероприятий процесс коллективизации вышел за первоначально запланированные рамки: в 1932 году колхозы и совхозы занимали 77% общей сельскохозяйственной территории. Точно так же окончательный вариант первого пятилетнего плана не имел ничего общего с более ранними вариантами и стал похож на увеличенную до гигантских размеров копию [идеального] жениха из гоголевской «Женитьбы», части лица которого позаимствованы у разных людей. Согласно этому варианту, предлагалось удвоить национальный доход, практически удвоить основные средства, а также в четыре раза увеличить объем капиталовложений — и все это менее чем за пять лет. Это во многом превосходило даже самые смелые прогнозы Преображенского. В то же время предполагалось, что выпуск сельскохозяйственной продукции значительно возрастет — на 55%. Это, по-видимому, шло бы в русле указаний Бухарина, считавшего, что правильное развитие экономики должно следовать американской модели, в которой промышленность занимает ведущее положение по отношению к быстро развивающемуся сельскому хозяйству. И наконец, планировалось увеличить общее потребление на 85%. Эта впечатляющая цифра должна была опровергнуть все сомнения в том, что в плане недоучитывались людские потребности — еще один момент, вызывавший опасения Бухарина.

На словах все это выглядело очень красиво, но на деле обстояло совсем иначе. Однажды Рудольф Гильфердинг назвал теории Туган-Барановского «марксизмом, сошедшим с ума». Эти слова полностью подходят и для описания данной ситуации. Действительно, согласно двухсекторной модели второго тома «Капитала» экономика, в которой большую долю совокупного выпуска продукции и капитала составляют средства производства, при прочих равных условиях неизбежно будет развиваться быстрее, чем экономика с меньшей долей средств производства. Как и в любой заслуживающей уважения модели, в марксовой схеме не говорится, что конкретно нужно делать. По словам Оскара Ланге, она лишь предлагает возможные альтернативы, а выбор остается за теми, кто будет эту схему реализовывать. Но в той или иной степени Маркс все-таки отмечает, что одни альтернативы будут слишком дорогостоящими, а другие просто невыполнимыми. Если объем производства второго подразделения будет ниже определенного уровня, то неизбежно упадет производительность труда и усилится социальное напряжение. Почти столь же очевидно, что относительный размер первого подразделения ограничивает не только рост экономики в целом, но и рост самого этого подразделения. Здесь необходимо учитывать и такие факторы,

⁸ Сталин И.В. Указ. соч. С. 250. Любому читателю ленинского текста («Грозная катастрофа и как с ней бороться» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198) должно быть предельно ясно, что, когда в сентябре 1917 года Ленин писал о том, чтобы «догнать передовые страны и перегнать их экономически» и «на всех парах устремиться вперед», он имел в виду необходимость использования организационных форм западной «военной экономики» и их усовершенствования. А Сталин, наоборот, говорил о том, чтобы перегнать уровень развития западных стран, что было совершенно нелепой задачей для отсталой страны, пережившей тяготы разрушительной войны.

как отношение капитальных вложений к произведенной продукции, средняя продолжительность строительства предприятий, а также возможность сокращения капитальных потребностей второго подразделения.

Простой арифметический подсчет показывает, что если вложить все инвестиции в первое подразделение, то для утроения объема капиталовложений потребуются более пяти лет, даже если допустить идеальное отношение капитальных вложений к произведенной продукции и идеальные сроки строительства предприятий. Но и это не позволит удвоить совокупный выпуск продукции и совокупный капитал⁹. До сих пор в своей аргументации мы не учитывали такой серьезный фактор, как технический прогресс, которому создатели плана придавали весьма большое значение. Однако и в этом случае их ожидания не оправдались.

Ведь осуществлять технический прогресс — это не на пожар бежать. Здесь требуется немало времени на эксперименты и обучение. Кроме того, нововведениям необходимы инвестиции: если внедрять инновации в широком масштабе, то понадобится создавать новое оборудование и устанавливать его на новых заводах. (Мы здесь делаем допущение, абсолютно далекое от реалистичности, что *все* существующее промышленное оборудование будет целенаправленно использоваться только для создания нового, более качественного оборудования. Следовательно, создать новую технологическую продукцию можно было бы как минимум в два этапа, на что потребовалось бы много времени. Более того, поскольку Сталин испытывал слабость к капиталоемким технологиям, это новое оборудование часто как на этапе

⁹ Произведем грубый расчет, основанный на двух ключевых показателях первого пятилетнего плана: отношение основного капитала к чистому выпуску, составлявшее 2,9 в первом году, сократится до величины 2,5 в последнем году, а чистые капиталовложения в основные средства составят 15,7% национального дохода в первом году. Этот подсчет показывает, что за 5 лет, вне всякого сомнения, можно было бы увеличить объем инвестиций в основные средства в 6 раз; при этом сами основные средства увеличились бы на 64% вместо запланированных 83%, а национальный доход вырос бы на 90% вместо запланированных 102%. Но составители плана не учитывали, что это могло бы произойти только при выполнении двух невыполнимых условий: 1) все инвестиции должны были бы вкачиваться в подразделение I — это предположение просто абсурдно для страны, в которой накануне большого индустриального рывка 40% общих инвестиций осуществлялось в технически отсталом сельском хозяйстве; 2) средний период строительства составлял бы один год, что было абсолютно невозможно. Подсчет, в котором использовались очень близкие цифры (только отношение капитала к объему производства было взято равным 3), показал, что даже если предположить, что период строительства в среднем будет равен не одному году, а трем, то за 5 лет объем инвестиций увеличится лишь немногим более чем вдвое, а основные средства и национальный доход вырастут на 26%. (В действительности, согласно советской статистике, отношение основных средств к объему производства в 1927—1928 годах в промышленности равнялось приблизительно 1,5, что было ниже среднего показателя советской экономики. Однако валовой объем промышленной продукции должен был увеличиться на 148%, причем подразделение I, требующее больших капиталов, а также основные средства в промышленности должны были вырасти втрое.)

На самом деле, само понятие среднего периода капитального строительства имеет сомнительную ценность во время серьезных структурных перемен. Рассмотрим, например, сталелитейное и машиностроительное производства. Относительно друг друга они взаимодополняемы, но не симметричны. Для сталелитейного завода машины требуются на этапе строительства, а для производства машин сталь необходима как при строительстве, так и при ежедневной работе. Таким образом, если речь идет о выпуске новыми заводами новой продукции, предпочтительнее начинать с развития сталелитейной промышленности, а затем уже приступать к созданию производства машин. (Конечно, в случае замкнутой экономики некоторое количество сталелитейного оборудования потребуются уже с самого начала.) Поэтому, с общественной точки зрения, период строительства будет примерно равен суммарному времени, необходимому для создания сталелитейной промышленности и машиностроения. Естественно, после того как объемы всех видов промышленности будут соответствовать новым темпам роста и необходимому «порядку боевого марша», такое суммирование будет уже нерелевантным.

создания, так и при эксплуатации потребляло сталь в большем количестве, чем старое. Но с учетом весьма длительного периода строительства сталелитейных заводов необходимый объем продукции не смог бы появиться в нужное время, а использующие сталь вновь построенные заводы, независимо от их технического оснащения, просто простаивали бы. Именно это и случилось в 1932—1933 годах.

Нет никаких сомнений в том, что если существовавшие тогда средства производства смогли бы каким-либо образом, быстро и без особых затрат, превратиться в новые (именно с таким предложением выступали неоклассические экономисты, за что совершенно справедливо подверглись осмеянию со стороны Джоан Робинсон), то эти планы, возможно, и могли бы осуществиться. Планы могли стать реальностью, только если бы по мановению волшебной палочки период капитального строительства сократился в тысячи раз. Наверное, Сталин надеялся, что именно это и произойдет в результате сверхчеловеческих трудовых усилий. Должно быть, у него были довольно романтические представления о том, что может дать внедряемый в спешке технический прогресс. Но поскольку чуда не произошло, последствия такой политики оказались весьма плачевными. Сроки капитального строительства не сократились, а, напротив, значительно увеличились из-за нехватки строительных материалов и сырья, а также вследствие организационных и управленческих трудностей, возникающих при осуществлении большого числа инвестиционных проектов. (Михал Калецкий отметил особую значимость последнего фактора спустя 20 лет.) И наконец, увеличение продолжительности капитального строительства негативно влияло на технический прогресс, поскольку связывало огромные объемы инвестиций в незавершенном строительстве, обостряя тем самым общие противоречия, что не могло не тормозить и без того длительный процесс внедрения нововведений. Похоже, авторы сталинского плана по наивности не понимали этого, или, возможно, действовали по правилу, сформулированному острямиками того времени: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть (в тюрьме — А. Э.) за низкие».

Здесь, по-видимому, стоит поставить вопрос не о том, каких успехов на пути к стабильному прогрессу добилась руководимая Сталиным экономика, а о том, как ей вообще удалось избежать полного краха или по крайней мере не скатиться вниз по наклонной плоскости. На самом деле нужно было решить несколько проблем. Развитие крупного промышленного сектора, который подвергся воздействию всех этих искажений, могло идти по одному из трех основных направлений. Можно было начать крупномасштабные поставки продовольствия в город, которые остались бы в большой степени безвозмездными, — «дань» или «сверхналог», как в 1928 году назвал их Сталин; этому должна была бы способствовать коллективизация. За значительную часть продовольственных товаров, а также за древесину и нефть можно было бы закупить столь необходимое импортное промышленное оборудование и тем самым несколько ослабить невыносимое напряжение, испытываемое выпускающей средства производства отечественной промышленностью. Огромный приток крестьянской и женской рабочей силы в промышленность и строительство мог бы сократить разрыв между масштабностью стоящих задач и сроками их выполнения, а также направить дефицитные средства производства в приоритетные области промышленности. Конечно, определенную роль здесь играли до сих пор [в 1970-х годах] не воспетые «подвиги» ОГПУ. И наконец, исключительное значение имели грандиозные изменения в организационной структуре. Система, имеющая общий налоговый и денежный контроль и по сути «индикативное» планирование, не смогла бы предотвра-

титель крах экономики, разрываемой ужасающими диспропорциями. Для решения таких задач больше подходило жесткое централизованное планирование, дающее директивы по всем мельчайшим вопросам.

Однако за любой из этих вариантов ослабления напряженности приходилось платить дороговую цену. Яростное сопротивление крестьян процессу коллективизации, кульминацией которого явилось истребление поголовья скота, заставило составителей плана перебросить гораздо большую, по сравнению с первоначальными планами, часть дорогостоящих производственных мощностей на изготовление тракторов¹⁰. Масштабный экспорт продовольствия значительно ухудшил положение потребителей, что, в свою очередь, не могло не оказать отрицательного воздействия на производительность труда. Резкое увеличение численности рабочей силы в городе обострило дефицит жилья. К этому добавилось давление инфляции. Кроме того, неквалифицированные рабочие вынуждены были иметь дело с современными технологиями, что приводило к большим потерям и порче оборудования.

Примерно в 1932—1933 годах стало понятно, что если система и дальше будет развиваться в том же направлении, то совсем скоро она рухнет. Станет физически невозможно расширять в том же стремительном темпе сектор тяжелой промышленности, выросший вдвое по сравнению с 1928 годом. Теперь для этого потребовался бы гораздо более значительный перелив средств из сельскохозяйственного сектора, который и так находился в стадии застоя, если не регресса. Невозможно было дольше мириться со все больше увеличивающимся разрывом между ростом машиностроения и размерами производства основного промышленного сырья. Наконец, хотя чрезмерно централизованная система планирования и помогла отсрочить полный развал экономики, она привела к огромному количеству «перекосов», а также породила совершенно неэффективную модель поведения как среди управленцев, так и в низовых звеньях экономики. В рамках основной марксистской модели это вовсе не говорило о стремлении добиться соответствия между уровнем развития производственных сил и производственными отношениями. Напротив, речь здесь

¹⁰ Однако не следует забывать и о возможных искажениях статистики. Вне всякого сомнения, чистый вклад коллективизированного сельского хозяйства в индустриализацию в течение первого пятилетнего плана был меньше, чем можно было ожидать, и соответственно более значимую роль в социалистическом «накоплении» сыграл разрыв между реальными заработными платами и общим объемом промышленной продукции. Но все же Джеймс Миллар, по-видимому, во многом недооценивает последствия коллективизации, когда он, цитируя советского историка Барсова, говорит, что объем продаж промышленных товаров сельскому хозяйству в 1929—1932 годах, в ценах 1928 года, превышал объем продаж сельскохозяйственной продукции в город (*Millar J. Soviet Rapid Development and Agricultural Surplus Hypothesis // Soviet Studies. 1970. July; Millar J. Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan // Slavic Review. 1974. December*). По замечанию М. Элмана, цены 1928 года завышались для промышленности и занижались для сельского хозяйства. Именно по этой причине объемы продаж промышленных товаров по сравнению с сельскохозяйственными выглядели большими, чем могло бы быть в ситуации, когда ценами не манипулировали. Более того, государственные закупки зерна и чистый объем товарной продукции, измеряемые в физических единицах, резко увеличивались в течение всего периода как в абсолютном выражении, так и относительно величины урожая (*Ellman M. Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR During the First Five-Year Plan? // Economic Journal. 1975. December* (см.: *Элман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? / Пер. с англ. А.А. Белых // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 92—113*)). Наконец, необходимо очень четко понимать, что на условия торговли между промышленностью и сельским хозяйством в 1929—1932 годах влияние оказывал исключительно большой приток механического оборудования, столь необходимый для компенсации потерь скота. При более длительном периоде взаимодействия этих двух отраслей экономики подобные условия были бы совершенно нетипичны.

шла о том, чтобы попытаться заставить производительные силы вырваться за пределы вполне достижимого, но откровенно принудительного уровня развития производственных отношений и политической надстройки. Отметим также, что производственные отношения и политическая надстройка были взаимосвязаны до такой степени, что стали практически неразделимы.

Сталин взял все это на заметку. Второй пятилетний план отличался от первого важными моментами. Хотя разница между капиталовложениями, выделяемыми для первого и второго подразделения, еще оставалась значительной, она существенно сократилась по сравнению с первым пятилетним планом. Фактически предполагалось, что темпы роста запланированных капиталовложений и запланированных объемов выпуска продукции во втором подразделении будут выше, чем в первом. К слову сказать, основная часть выделяемых первому подразделению капиталовложений должна была использоваться для окончательного завершения проектов, начатых еще в первую пятилетку, а не для запуска новых. Это также помогало ослабить некоторые противоречия экономической системы. Когда в 1933 году Сталин объявил, что запланированные темпы роста могут снизиться с 22 до 13—14%, поскольку «больше не нужно было спешить»¹¹, его слова прозвучали как шутка. Первый проект второго пятилетнего плана, опубликованный в начале 1932 года, по своим задачам был фактически такой же «вакханалией планирования» (по выражению Н. Ясного), как и окончательный проект плана первой пятилетки. В это время сталинские экономисты продолжали нападать на Преображенского, который осмелился утверждать, что сверхвысокие темпы современного экономического развития в развитом социалистическом обществе будут не нужны. Действительно, совсем скоро ситуация накалилась практически до предела, и продолжать двигаться по прежнему пути было бы полным безумием. Хотя Сталин и не признавал этого публично, он был хорошо осведомлен о реальном положении дел. Это отчетливо проявилось в его речи на XVIII партийном съезде. Он подверг жесткой критике «некоторых работников Госплана старого состава» за запланированный на 1937 год выпуск чугуна в размере 60 млн тонн: «Это была, конечно, фантастика, если не хуже»¹². (А разве лучше было, когда в 1930 году Сталин собственноручно переправил план выпуска чугуна на 1932 год с 10 до «15—17» млн тонн или когда в начале 1931 года он заявил, что ежегодное увеличение объема выпуска промышленной продукции на 45% вполне реалистично, поскольку Советский Союз богат природными ресурсами?)

И после провозглашения новой главной задачи — догнать и перегнать капиталистические страны по объему выпуска промышленной продукции на душу населения — Сталин хладнокровно добавил: «Для этого требуется время. Да, товарищи, время. Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и не малое»¹³. Конечно, это было не более чем проявление эмоций. Но все же это прозвучало совершенно в иной тональности, нежели его высказывания типа: «нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики»¹⁴ или «реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами»¹⁵. Наконец, третий пятилетний план, проект которого был опубликован во время работы съезда, хотя и отличался от второго в прогнозах относитель-

¹¹ Сталин И.В. Соч. Т. XIII. С. 186.

¹² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: ОГИЗ, 1947. С. 579.

¹³ Там же.

¹⁴ Сталин И.В. Соч. Т. XI. С. 58.

¹⁵ Там же. Т. XIII. С. 80.

ных темпов роста двух подразделений, был более реалистичным, чем первый пятилетний план. То же самое можно сказать и о последующих двух пятилетних планах, разработанных (или по крайней мере начатых) еще при жизни Сталина. Большинство исследователей приходят к единому мнению, что, хотя эти планы и были достаточно напряженными, они во всяком случае уже не требовали нечеловеческих усилий.

Последние работы Сталина «Диалектический и исторический материализм» (1938) и «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) подтверждают эту точку зрения. Более того, они позволяют нам лучше понять его взгляды на важнейшие проблемы, которые ранее им не рассматривались, возможно по той причине, что он чувствовал себя некомфортно в качестве теоретика, пока были живы противники, явно превосходившие его по интеллекту.

(1) Среди самых важных вопросов, впервые затронутых Сталиным, был вопрос об отношениях между производительными силами и производственными отношениями, а также об их взаимоотношении с политической надстройкой. На первый взгляд он следовал общепринятой трактовке. Однако после рассуждений о связи между производительными силами и производственными отношениями, за которыми шла известная цитата из Маркса («ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹⁶), Сталин добавил еще один абзац, в котором подчеркивалась огромная значимость политической надстройки, способной оказывать мощное влияние на «базис»¹⁷. По сути, в этом высказывании не было ничего нового — Маркс и Энгельс неоднократно об этом говорили. Но в этом конкретном контексте присутствовал очевидный намек на то, что советская «надстройка», возглавляемая лично автором данной работы, сыграла абсолютно решающую роль в деле перестройки «базиса». При этом не упоминаются ни взрывоопасный характер этого процесса, ни сопровождавшая его жестокость: ведь замалчивание фактов было в то время делом обычным. Точно так же в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» ни слова не говорится о переходе от принципов ортодоксального марксизма к более поздней большевистской позиции. Процесс подтягивания «базиса» до уровня надстройки намеренно изображается чересчур гладким, для чего коллективизация лукаво выводится из ленинского «кооперативного плана»¹⁸.

¹⁶ См.: Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 133.

¹⁷ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 559.

¹⁸ Рассмотрим пример весьма искусного смещения понятий: «Производительные силы нашей страны, особенно (!) в промышленности, имели общественный характер, форма же собственности была частная, капиталистическая. Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства» и т. д. и т. п. (курсив мой — А. Э.) (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 7). Когда речь идет о ленинском «кооперативном плане», подтасовка понятий принимает еще более неприличный характер (там же, с. 202). Совершенно очевидно, что Сталин ссылаясь на статью Ленина «О кооперации» (март 1923 года). В ней Ленин ни словом не обмолвился о каких-либо производственных кооперативах. Напротив, он подробно доказывал, что нужно осуществлять поддержку только «такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения». Он также замечал, что «быть толковым и грамотным торгашом... вполне достаточно для хорошего кооператора» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371, 374). Короче говоря, совершенно очевидно, что Ленин имел в виду бытовые, а не производственные кооперативы, понимая, по всей вероятности, что советская экономика еще не была готова к последним.

В начале 1946 года в «Речи к избирателям» Сталин заметил, что для того, чтобы создать на селе крупные хозяйства, земледельцы сперва должны были разорить крестьян и превратить их в батраков, а это был слишком длительный путь (Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы. М.: Госполитиздат, 1954. С. 19—20). Не хотел ли он этим сказать, что созданная им система смогла решить обе эти задачи одновременно?

(2) Весьма полезно с образовательной точки зрения обращение Сталина к работам классических марксистов, однако в своем труде он коснулся двух гораздо более актуальных вопросов. Он недвусмысленно показал, что, по его мнению, колхозная форма социалистической собственности на порядок ниже совхозной и должна уступить ей место, поскольку является помехой на пути развития производительных сил. В качестве самого первого шага он предложил, чтобы часть произведенной коллективными хозяйствами продукции, до сих пор закупаемая государством, направлялась для продуктообмена с государственной промышленностью. Здесь наиболее ярко проявилась его неослабевающая подозрительность к любому контролю, который не имел железных рукавиц и допускал хотя бы малейшую долю самостоятельности в нижних эшелонах экономики. Как бы странно это ни прозвучало, но, вероятно, схожие чувства определяли его отношение к машиностроению начиная с середины 1920-х годов и до последних лет жизни. «Ставить на одну доску часть средств производства (сырье) и средства производства, в том числе орудия производства, — значит грешить против марксизма, ибо марксизм исходит из определенной роли орудий производства в сравнении со всеми другими средствами производства»¹⁹. Если иметь в виду, что средства производства являются основным двигателем технологического развития, то с этим утверждением можно согласиться, однако применительно к конкретному производственному процессу оно лишено смысла. Возможно, Сталин хотел найти оправдание тому, что темпы роста машиностроения не соответствовали темпам роста выпуска железа и стали, что было столь характерно для советских пятилеток, особенно для первой. Однако не исключено, что он имел в виду что-то другое. В 1927 году в одной из своих наставительных речей он восклицает: «Каждая новая фабрика, каждый новый завод является новой крепостью в руках пролетариата»²⁰. Может быть, он полагал, что для осуществления контроля над максимально большим количеством людей было бы полезнее иметь большее число «крепостей», в которых люди и машины имели бы сталь в меньшем количестве, чем меньшее число «крепостей» с меньшим количеством людей и машин, но обеспеченных сталью в достаточном объеме. Возможно, Сталин надеялся, что плановая экономика смогла бы компенсировать недостаточный объем производства стали путем целевого распределения произведенной продукции среди наиболее важных потребителей.

(3) Конечно, мы не можем быть полностью уверены в справедливости наших предположений, сделанных в конце предыдущего абзаца: трудно сказать, что на самом деле Сталин думал по этому поводу. Однако его известные высказывания, касающиеся проблем экономического роста

¹⁹ *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. С. 54. Интересно, что серьезные сомнения по этому поводу выразил Мао Цзэдун в своей речи в ноябре 1958 года: «Говоря о взаимоотношениях между отраслями тяжелой промышленности, Сталин не выявил основной источник противоречия. Он подчеркивал важность тяжелой промышленности и называл производство стали ее фундаментом, а производство машин — ее сердцем. ... Если в качестве фундамента мы выберем сталь, то она будет сырьем, из которого позже будут производиться машины». (Я весьма признателен Х. Мэкдоффу и К.Рискину за то, что они обратили мое внимание на этот документ.) Кроме того, Мао Цзэдун критиковал Сталина за то, что тот всегда «ходил на одной ноге», то есть придавал огромное значение тяжелой промышленности в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству, а также переоценивал роль техники и кадров, «не доверяя массам».

²⁰ *Сталин И.В.* Соч. Т. IX. С. 156—157. Эту цитату приводит Джон Д. Бергамини (*Bergamini J.D.* *Stalin and the Collective Farm // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / J. Simmons* (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press. 1955. P. 219—220).

при социализме, предельно однозначны. Они вызвали ряд критических замечаний, которые я сейчас постараюсь представить в обобщенном виде. (Большая часть этих замечаний относится к периоду после смерти Сталина, и они были высказаны в основном польскими исследователями Калецким, Брусом и Ласки²¹.)

Известное сталинское высказывание о том, что экономический рост («расширенное воспроизводство») возможен только в том случае, когда первое подразделение растет быстрее, чем второе, в зависимости от обстоятельств может быть как истинным, так и ложным. Легко можно доказать, что темпы роста прямо пропорциональны доле чистых инвестиций в национальном доходе и обратно пропорциональны количеству прироста капитала на единицу прироста выпуска. (Эта зависимость обычно представляется в виде модели Харрода—Домара или в виде аналогичной модели Калецкого.) Из этого следует, что темпы роста будут постоянными и положительными при условии, что доля чистых инвестиций в доходе остается неизменной, а также при условии, что величина капитала, затраченного на единицу произведенной продукции, тоже остается неизменной. (Для большей точности будем считать, что норма инвестиций во всех случаях положительна.) Для данных условий очевидно, что сталинское высказывание ложно. Оно будет еще более ошибочным, если предположить, что капиталоемкость произведенной продукции снижается (например, в результате внедрения капиталосберегающих технологий). Но если капиталоемкость увеличивается, а темпы роста необходимо удержать на прежнем уровне, то соответственно должна увеличиться и доля инвестиций в национальном доходе. Наконец, для того чтобы *поднять* темпы экономического роста, необходимо увеличить и долю инвестиций, и она должна вырасти еще больше, если одновременно увеличивается капиталоемкость выпускаемой продукции.

Такая ситуация вполне реалистична для стран, находящихся на начальных этапах индустриализации: здесь темпы экономического роста по определению должны увеличиваться. Вне всяких сомнений, этот процесс приведет к ускоренному развитию капиталоемких секторов экономики, особенно в условиях ограниченной международной торговли. Именно по этой причине в конце 1920-х годов экономисты, представляющие две главные группировки в большевистской партии, пришли к единому мнению, что в конечном счете первое подразделение должно было опережать второе подразделение. Но ведь Сталин заговорил об этом лишь 25 лет спустя, когда позади были четыре пятилетки и Советский Союз в результате стал второй сильнейшей мировой державой, в национальном доходе которой несоразмерно большую долю составляло первое подразделение. Более того, современные тенденции технологического прогресса не обязательно предполагали увеличение капиталоемкости продукции.

Именно поэтому трудно усмотреть хоть какой-то экономический смысл в непоколебимой уверенности в том, что необходимо увеличивать скорость капиталовложений без учета обстоятельств. Гораздо легче увидеть недостатки такой политики. Высокие темпы роста, даже если они будут постоянными, рано или поздно должны привести к истощению ресурсов рабочей силы. Это, пожалуй, произошло бы скорее раньше, чем позже, если бы советская экономика подчинилась сталинским указаниям и про-

²¹ См.: *Kalecki M. Dynamika inwestycji I dochodu narodowego w gospodarce socjalistycznej // Ekonomista. 1956. No 5; Economia polityczna socjalizmu / W. Brus (ed.). Warsaw, 1965; Laski K. Zarys teorii reprodukcji socjalistycznej. Warsaw, 1965.*

должна бы увеличивать и без того достаточно высокую долю капиталовложений в национальном доходе. По мере достижения критического уровня составители планов попытаются переключиться на более капиталоемкие технологии. Но при повышении выпуска продукции на одного занятого также повысятся и капиталовложения, необходимые для выпуска единицы продукции, что, как мы уже видели, негативно скажется на темпах роста. А затем неизбежно возникнет противоречие между растущими потребностями в капитале и увеличивающейся долей инвестиций. При этом, как убедительно подчеркивал А. Бергсон, когда доля потребления в национальном доходе начнет сокращаться, все труднее будет сохранять темпы роста на прежнем уровне.

Конечно, такой подход можно было бы назвать неоправданно статичным. Можно предположить, что в стране с развитой промышленностью ответом на дефицит рабочих ресурсов станет ускорение темпов технологического развития²². Совершенно необязательно, что рабочие стали бы работать только на более крупных машинах; в первую очередь им требуется оборудование более высокого качества. Поэтому можно было бы ожидать, что распространение инноваций будет происходить быстрыми темпами. Однако советская экономика не распахнула двери перед технологическим прогрессом из-за особенностей ее экономического и государственного устройства. Чрезмерная напряженность (пусть даже и несколько меньшая, чем прежде) делала попытки внедрения новых технологий трудновыполнимой и малопривлекательной задачей, поскольку в стране существовал устойчивый «рынок продавцов» оборудования. Дополнительные препятствия также создавала существующая система сверхцентрализованного планирования, которая характеризовалась мучительно медленными информационными потоками и нежеланием части управленцев брать на себя риск невыполнения плана, вызванный неизбежными на начальном этапе сложностями перехода к новым методам производства и внедрения новых продуктов. (Теперь ситуация, несомненно, была намного хуже, чем раньше, вследствие более сложной структуры экономики и необходимости принятия гораздо большего числа решений.) Кроме того, с учетом того факта, что планы были завышенными (а зачастую и дальше корректировались в сторону увеличения), руководители предприятий старались заполучить как можно больше единиц освоенного оборудования, опасаясь, что новая техника создаст им дополнительную головную боль. Все это привело к парадоксальной ситуации, когда низкие темпы технологического прогресса пытались компенсировать при помощи неоправданно высоких капиталовложений. Такие попытки продолжали предприниматься, но, судя по непрекращающимся жалобам советского руководства, давали лишь частичный эффект. В результате накопление пытались осуществлять не только с чрезмерной скоростью (пусть даже и с меньшей, чем раньше) по сравнению с имевшимися людскими ресурсами, но и без учета реальных возможностей. Таким образом, в ход были пущена и модель накопления из первого тома «Капитала», и двухсекторная модель из второго. Ситуация усугублялась тем, что при одновременном использовании эти модели мешали друг другу,

²² По замечанию Д. Робинсон, общепринятое разграничение на улучшения, осуществляемые в пределах какой-либо технологии, и технологические прорывы за ее пределы, имеет весьма сомнительную ценность. Поэтому переход на давно разработанные, но еще не опробованные методы трудно отделить от истинных инноваций. Однако она признает, что ситуация может быть иной в развивающихся странах, имеющих широкую возможность выбора технологий, уже разработанных в странах с развитой экономикой.

что привело к таким негативным последствиям, как, например, замедление скорости технологического прогресса²³.

На это можно возразить, что Сталин не был «струвистом» и что эффективное и плавное экономическое развитие страны, в отличие от Струве, не было его главной целью. Он с радостью использовал любой новый рычаг власти, неважно какой ценой добытый, поскольку это давало шанс укрепить советское государство перед лицом внешних и внутренних врагов, а также потому, что еще не до конца были исчерпаны все возможности «закрутить гайки» контроля над обществом. Удобным поводом для этого являлся запланированный переход от колхозов к совхозам. Сталин не стал бы всерьез рассматривать предположение о том, что разработанный «поздним» Бухариным план выполнения сверхважной задачи модернизации советской экономики, возможно, привел бы к столь же впечатляющему экономическому прогрессу, однако ценой меньших человеческих страданий и с меньшими затратами. По-видимому, в глубине души Сталин ощущал (говорить об этом было бы безумием с его стороны), что ужасающие жертвы, которых потребовала от общества его модель индустриализации, в некотором смысле способствовали укреплению существующей системы и, вне всякого сомнения, упрочили его собственные позиции. Жернова коллективизации перемололи тот слой людей, который обладал пусть даже малой долей экономической свободы и составлял прежде основную массу населения страны. Чрезмерная нагрузка и напряжение, пронизывавшие все сферы жизни, создавали ложное впечатление единого порыва героического труда во благо общего дела. Когда царило настроение «победить любой ценой», проявление инакомыслия было гораздо легче объявить предательством и узаконить диктатуру в качестве как гаранта прогресса, так и меча, карающего врагов, которые стремились использовать в своих целях недовольство населения, — это живописал профессор Гершенкрон. Если убрать эмоции, то система запланированного дефицита способствовала расколу общества, подавляя волю людей, настраивая их друг против друга и увеличивая разрыв между уровнями их доходов. Речь здесь идет не о возвращении «старой дряни» (по поводу этого Маркс высказывал опасения в «Немецкой идеологии»), а о триумфальном шествии «новой дряни» в виде новой привилегированной прослойки (но еще не класса), поставляющей человеческие ресурсы для руководства страны. При этом, если бы данная прослойка чересчур много о себе возомнила, ее можно было бы быстро привести в чувство кадровыми перетасовками. Наконец, «великий рулевой» не скрывал, что получает огромное удовлетворение от своей деятельности, даже когда речь шла о самых неприглядных ее аспектах. Однако к концу своей карьеры Сталин почувствовал растущее напряжение. Он хорошо понимал необходимость «генеральной уборки», что проявилось в его более пространных, чем раньше, рассуждениях об ограничениях экономики («экономических законах»). Он упрекал тех, кто считал, что стране по плечу любая задача, и мрачно замечал: «Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономическо-

²³ Это не означает, что темпы технологического прогресса в Советском Союзе были ниже, чем в предыдущий период, или что они были безусловно ниже по сравнению с развитыми капиталистическими странами, хотя на возможность последнего намекали видные советские деятели. Это просто означает, что технологический прогресс в Советском Союзе шел медленнее, чем можно было бы ожидать, с учетом все еще сохраняющегося «преимущества отсталости» и интенсивного проведения научных исследований и разработок. Кроме того, еще одной причиной недостаточной скорости технологического прогресса было внедрение лозунга «догнать и перегнать», в то время как на Западе полным ходом осуществлялась «научно-техническая революция».

го закона (закона планомерного пропорционального развития — А. Э.)»²⁴. И все же Сталин фактически ни на шаг не отступил от своей логики. Он совершенно отчетливо дал понять, что в роли верховного хранителя «законов» он будет наделен единоличными полномочиями, а его бесцеремонное отношение к «закону стоимости» тоже оптимизма не добавляло. Вдобавок его настойчивые требования «опережающего роста первого подразделения», без формулировки каких-либо дополнительных условий и без обозначения временных рамок, создавали почву для нарушения экономических законов. Это был, пусть весьма осмотрительный и осторожный, но все равно чистой воды волюнтаризм. Такова была ситуация, когда Сталин сошел со сцены.

Для того чтобы подвести итоги, зададимся вопросом: какое влияние оказали на Сталина марксистские модели и какое влияние Сталин оказал на них? Конечно, Сталин пользовался ими с выгодой для себя. Хотя этим моделям недоставало элегантности и их использование вызывало определенные сложности, они все же стали мощным средством привлечения внимания к таким ключевым факторам экономического роста, как взаимодействие между капиталовложениями и технологическим прогрессом, различные способы контроля и мобилизации ресурсов, необходимость соответствия технологического развития общественной организации и многосекторная структура растущей экономики. Сталин сразу уловил сущность этих моделей, нацеленных на взаимоотношения между производством и ростом производства. Более того, он полностью осознавал, что идеологическую мобилизацию нужно подкрепить столь авторитетной теорией (если не на деле, то хотя бы на словах), что было особенно важно для процесса, с гордостью провозглашавшего своим кредо «научный подход». Сталин с легкостью проигнорировал тот факт, что, хотя модели «говорили в пользу» быстрого развития (если модели вообще могут «говорить в пользу» чего бы то ни было), они посылали тревожные сигналы по поводу чрезмерных темпов роста, а также указывали на взаимозависимости, нарушение которых способно привести к страшным последствиям. Вместо этого Сталин использовал основные концепции марксистской теории — иногда весьма уместно, но чаще всего грубо и в искаженной форме, полностью противоречащей их внутренней логике. Как говорил известный чешский экономист, «большими прыжками лучше заниматься в спортивном зале», а сама идея создать в течение нескольких лет жизнеспособный базис для полного построения социализма в преимущественно крестьянской стране на основе невыполнимых программ не имела ни по духу, ни по букве ничего общего с марксизмом. В результате удалось достичь быстрого экономического роста, но этот рост сопровождался ужасающей нищетой, громадными потерями ресурсов и извращением главных целей: формально коллективные производительные отношения были лишены духа «свободы и равенства», которым они непременно должны были обладать, как считали классики марксизма и их последователи. На ранних стадиях процесса производительные силы не соответствовали возложенным на них задачам. А теперь, после того как они получили развитие, и окрепли и начали требовать более свободной формы экономической организации, они столкнулись с непреодолимым сопротивлением — типично марксистский набор «противоречий». И хотя сталинские искажения марксизма в большинстве своем остались в прошлом, тот факт, что частично они все еще существуют, не может не вызывать опасений.

²⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. С. 9.